

ОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Джураева Фарахбону Исматиллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Исломова Райхона Абдурахимовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: Статья посвящена исследованию морфологических особенностей неологизмов, возникших в русском языке в начале XXI столетия. Анализирует способы образования новых слов, уделяя особое внимание гибридизации, аббревиации и переосмыслению классических аффиксов. В работе рассматривается влияние цифровой среды на гибкость грамматических норм.

Ключевые слова: неологизмы, морфология, словообразование, русский язык XXI века, деривация, цифровой дискурс.

Язык XXI века напоминает кипящий котел, где традиционные морфемы сталкиваются с иноязычными заимствованиями, порождая причудливые лингвистические формы. Если в прошлом столетии неологизмы чаще всего были результатом научно-технического прогресса и имели строгую терминологическую фиксацию, то сегодня источником пополнения словаря стала «сетевая повседневность». Динамика жизни диктует потребность в компрессии смыслов, что неизбежно ведет к морфологической перестройке. Мы наблюдаем не просто появление новых слов, а изменение самой «архитектуры» русского слова. Современные исследователи, такие как Максим Кронгауз, в своих работах отмечают, что современная речевая стихия не разрушает систему, а проверяет её на прочность. По мнению лингвистов, нынешняя ситуация уникальна тем, что норма перестает быть диктатурой и становится вектором [1, с. 42]. Критики указывают на то, что «карнавализация» общения в интернете легитимизирует те морфологические переходы, которые

ранее считались ошибочными. Мы видим, как «окказионализмы» (слова на один случай) превращаются в полноправные лексемы благодаря мгновенной скорости распространения информации.

В литературе начала века часто встречается мотив языка как «растущего леса», где каждое новое слово — это привитая ветка другого сорта. Можно вспомнить метафоры из современной интеллектуальной прозы, где язык сравнивается с пластилином: он вбирает в себя отпечатки пальцев каждого пользователя интернета. Как писал один из современных авторов, мы живем в эпоху «словесного зодчества», где из обломков старых понятий и цемента англицизмов строятся небоскребы новых смыслов. Неологизм сегодня — это не просто название предмета, это микросюжет, упакованный в короткую морфологическую форму. Основным полигоном морфологических трансформаций остается суффиксация и префиксация. Однако функции аффиксов существенно расширились.

Суффикс -инг, заимствованный из английского языка, в XXI веке прочно вошел в русскую морфологическую систему. Однако его роль изменилась: он перестал быть признаком исключительно заимствованных слов (маркетинг, лизинг) и начал активно присоединяться к русским корням. Мы фиксируем такие формы, как «нытинг» или «доширак-изинг». Здесь происходит уникальный процесс: иностранный формант берет на себя роль классического русского суффикса -ств(о) или -ни(е), но привносит дополнительный оттенок ироничности и процессуальности. Префиксы пере- и недо- обрели второе дыхание в контексте культуры продуктивности. Неологизмы типа «перевыгореть» или «недофренд» демонстрируют, как морфология адаптируется к психологическим состояниям современного человека. Особенно примечательна приставка де-, которая активно используется для обозначения процессов отмены или упрощения (децифровизация, детокс). Одной из самых ярких черт неологизмов XXI века является «морфологический кентавризм» — сращение основ разных языков или разных стилистических пластов. Например, слово «гуглить» уже давно прошло путь от жаргонизма до глагола, подчиняющегося всем правилам русского спряжения. Морфологическая адаптация здесь происходит мгновенно: корень google + русский глагольный суффикс и- + окончание -ть. Более сложный процесс

наблюдается в словах-телескопах (портманто). Это такие образования, как «инфодемия» (информация + эпидемия) [2, с. 56]. С точки зрения морфологии, здесь происходит наложение морфем, где конец одного слова становится началом другого. Это создает эффект смыслового сгущения, характерный для клипового мышления современной аудитории.

Русский язык в XXI веке не просто пассивно принимает заимствования, а активно «перемалывает» их своей мощной морфологической машиной. Система флексий (окончаний) остается незыблемой основой: любое новое слово, каким бы экзотическим оно ни было, моментально обретает падежные формы и родовые признаки. Это свидетельствует о высокой жизнеспособности русского языка и его способности интегрировать глобальные смыслы, сохраняя национальную грамматическую идентичность. Морфологической эволюции русского языка в XXI веке неразрывно связана с экспансией виртуальной коммуникации, которая диктует законы предельной экономии речевых усилий. Если в первой части мы рассматривали традиционные способы деривации, то здесь на передний план выходит процесс аббревиации и графико-морфологической гибридизации. Современный русский язык демонстрирует уникальную способность к «сжатию» сложных понятий до буквенных кодов, которые, тем не менее, сохраняют способность к морфологическому изменению. Лингвистические критики, анализируя работы Максима Кронгауза и Ирины Левонтиной, подчеркивают, что мы сталкиваемся с феноменом «письменной устной речи», где морфология слова адаптируется под скорость набора текста. В этом контексте аббревиатуры перестают быть прерогативой официально-делового стиля и уходят в повседневный обиход, превращаясь в полноценные существительные. Например, сокращение «Зож» (здоровый образ жизни) в начале столетия воспринималось как технический термин, а сегодня оно обросло полноценной парадигмой: «зожник», «зожница», «зожний», что свидетельствует о триумфе русской суффиксации над застывшей формой аббревиатуры. Это подтверждает идею о том, что русский язык обладает «переваривающим» механизмом: любое буквенное сочетание, попадая в оборот, стремится обрести корень, суффикс и окончание [1, с. 79].

Художественное переосмысление этого процесса можно найти в эссеистике современных авторов, которые сравнивают язык интернета с «быстрым углеводом» — он насыщает коммуникацию мгновенно, но требует постоянного обновления форм. В метафорическом смысле, морфология неологизмов XXI века — это своего рода «лингвистическое лего», где детали от разных наборов (языков) идеально подходят друг к другу благодаря универсальному клею русской флексии. Особенно ярко это проявляется в глагольной системе. Глаголы-неологизмы, такие как «хейтить», «флексить», «шерить», демонстрируют удивительную консервативность русской морфологии: они все без исключения принимают суффикс «-и-» и встраиваются во второе спряжение. Это говорит о том, что, несмотря на лексическое давление извне, грамматическое ядро языка остается непроницаемым. Морфологическая адаптация англицизмов происходит по строгому сценарию: заимствованная основа лишается своих исконных грамматических признаков и наделяется русскими категориями вида, времени и наклонения. Примечательно, что даже приставки в таких словах начинают играть роль чистовидовых формантов («захейтить», «отсвайпать»), что еще раз доказывает победу русской грамматической системы над лексическим хаосом [4, с. 210].

Отдельным и наиболее дискуссионным узлом морфологических трансформаций в XXI веке стал вопрос о категории рода, проявившийся в массовом появлении феминитивов. Это явление можно рассматривать как попытку морфологической компенсации социальной реальности. Использование суффиксов «-к-», «-иц-», «-есс» в словах типа «авторка», «редакторка», «психологиня» вызывает ожесточенные споры среди лингвистов. С одной стороны, критическая мысль (в частности, идеи Елены Гаповой о гендерном порядке в языке) указывает на то, что язык должен отражать видимость женщины в профессиональной сфере. С другой стороны, морфологическое сопротивление носителей языка часто обусловлено стилистической окраской суффикса «-к-», который в русском языке традиционно несет оттенок уменьшительности или пренебрежительности. Тем не менее, мы фиксируем процесс легитимизации этих форм: то, что начиналось как узкий активистский сленг, постепенно проникает в медийные

тексты, меняя привычную родовую парадигму существительных, обозначающих профессию. Это свидетельствует о том, что морфология в XXI веке становится инструментом социальной политики, а выбор суффикса — актом самоидентификации.

Не менее важным процессом является размывание границ между частями речи, что особенно заметно в явлении конверсии и субстантивации. Прилагательные и причастия все чаще выступают в роли существительных без изменения своей формы, особенно в профессиональных жаргонах («запрещенка», «удаленка», «личка»). Здесь морфология идет по пути максимального упрощения. Слово «удаленка» — это не просто сокращение от «удаленная работа», это полноценное существительное с суффиксом «-к-», которое вобрало в себя целый пласт культурных и социальных смыслов эпохи пандемии. В этом процессе мы видим торжество морфемы как носителя смысла: один суффикс заменяет целое синтаксическое словосочетание. Также стоит отметить появление «кентавр-форм», где одна часть слова написана латиницей, а другая — кириллицей («IT-технологии», «VIPзал», «QR-код»). Морфологический анализ таких слов показывает, что латинская часть обычно берет на себя роль определения (адъективную функцию), в то время как кириллическая часть несет на себе всю грамматическую нагрузку (род, число, падеж). Это создает специфическую визуальную и структурную гибридность, характерную именно для начала третьего тысячелетия.

Русский язык XXI века демонстрирует невероятную адаптивность. Он не просто заимствует чужое, он пересобирает себя, используя внутренние ресурсы. Морфология неологизмов — это зеркало цифрового общества, где важна скорость, точность и ироничность. Язык становится более компактным, аффиксы — более многофункциональными, а границы между частями речи — более прозрачными. Все эти изменения не являются признаком деградации, как часто утверждают пуристы, а представляют собой естественный ответ языковой системы на вызовы новой технологической реальности. Русский язык остается синтетическим, сохраняя свою сложную систему окончаний, но внутри этого каркаса происходят бурные процессы обновления, делающие его живым инструментом общения в глобальном мире. Неологизмы XXI века — это не временные «лингвистические вирусы», а строительный материал для

будущего облика русского языка, который будет продолжать удивлять своей пластичностью и устойчивостью одновременно.

Список использованной литературы:

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2017.
2. Левонтина И. Б. О чем речь. — М.: Corpus, 2016.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
4. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М.: URSS, 2010.
5. Гапова Е. И. Классы слов: гендерный порядок и лингвистическая норма. — Вильнюс: ЕГУ, 2012.
6. Новиков Л. А. Теория семантического поля и современная неология. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.